

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СААМОВ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

М. В. Буковска¹

А. Е. Шапаров¹

М. А. Питухина²

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 163002, Россия, Архангельск, Набережная Северной Двины, 17

² Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 677007, Россия, Якутск, ул. Кулаковского, 42

Поступила в редакцию 14.04.2024 г.

Принята к публикации 03.10.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-3

© Буковска М. В., Шапаров А. Е.,
Питухина М. А., 2025

Современное понимание представительной демократии включает в себя не только власть большинства, но и защиту прав меньшинств. Одним из таких меньшинств являются коренные народы, в том числе саамское население, проживающее на территории четырех европейских стран, а именно на северных территориях Норвегии, Швеции, Финляндии и России. В данных странах саамам как меньшинству сложно добиться адекватного уровня представительства в традиционных политических структурах, отвечающих за артикуляцию интересов (партиях, парламентах), поэтому были найдены специальные механизмы, которые позволили коренному народу более активно участвовать в процессах принятия политических решений. Цель статьи — изучить эволюцию и особенности политического представительства саамов в Норвегии, Швеции и Финляндии. Выбор стран продиктован трансграничным характером расселения саамов и практикой диффузии институтов политического представительства. Сделан вывод о том, что после Второй мировой войны в развитых странах произошли глобальные трансформации институциональной среды, выразившиеся в отказе от расовой парадигмы, утверждении верховенства демократии и прав человека. В странах Северной Европы в конце XX — начале XXI в. взамен идентичности через конструкт «нордической расы», характерный для первой половины XX в., сформировался концепт «арктической идентичности», в центре которого находится понятие индигенности. Саамы, подвергавшиеся насильственной ассимиляции во всех трех странах (дискриминационные политики «шведизации», «норвегизации» и «финизации»), вынужденные с начала XX в. бороться за свои права с минимальными шансами на победу над доминирующим дискурсом о расовой неполноценности, в современных условиях оказались бенефициарами изменений, получили особый статус, коллективные права и возможности политического представительства. Однако ряд проблем и дискриминационных практик в отношении саамов остается актуальными и требует решения на уровне государственной политики.

Ключевые слова:

саамы, идентичность, политическое представительство, парламенты, Норвегия, Швеция, Финляндия

Для цитирования: Буковска М. В., Шапаров А. Е., Питухина М. А. Политическое представительство саамов в странах Северной Европы // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 44–64.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-3

Введение

Теоретическую основу исследований политики в отношении миноритарных этнических групп, в том числе коренных народов, составляют труды У. Кимлики (мультикультурализм) [1], А. Лейхарта (консоциативной демократии) [2], Р. Брунбейкера [3], В. А. Тишкова [4], Л. М. Дробижевой [5] (национализм и гражданство), П. В. Осколкова [6] (этнополитика).

Политике Швеции, Норвегии и Финляндии в отношении саамов и эволюции практик взаимодействия государства и коренного народа в этих странах посвящены работы Х. Минде [7], А.-А. Оксанен [9], Ю. Нюссонен [11]. Исследования Я. Валконен [8], П. Латно [10] акцентированы на политике насильственной ассимиляции саамов, процессы признания и реализации права народа саами на самоопределение исследованы Дж. Хенриксеном [12]. Тр. Тростеруд [13] провел сравнительный анализ языковой ассимиляции в политике Норвегии и России.

Политическое представительство саамов находится в центре внимания политологов. Б. де Вильерс [14] и Е. Нимни [15] считают, что для коренного народа, который не составляет регионального большинства на своей исконной территории и проблемы которого прежде всего соотносятся с культурной и языковой уязвимостью, наиболее применимо предоставление нетерриториальной, нежели территориальной автономии. Однако другие исследователи, в частности У. Кимлики [1] и Т. Нигут [16], указывают на недостатки такой модели самоуправления, связанные с неспособностью коренного народа защищать свои исконные территории и природные ресурсы, составлявшие основу их существования на протяжении длительного периода в истории.

Теоретические концепции мультикультурализма, консоциативной демократии и национализма служат основой для анализа механизмов политического представительства саамов в Норвегии, Швеции и Финляндии. Это исследование призвано протестировать и подтвердить актуальность данных теорий в контексте обеспечения прав коренных народов на самоопределение и политическую репрезентацию.

Цель исследования — изучить развитие взаимодействия акторов и формирование механизмов политического представительства коренного народа саамов в Швеции, Норвегии и Финляндии, выявить общие тенденции и национальные особенности. За основу методологии был взят синтез подходов конструктивизма и неoinституционализма. В центре внимания конструктивизма (А. Вендт [17], Н. Онуф [18]) находится концепт идентичности как постоянно меняющийся, воспроизводящийся процесс взаимных репрезентаций акторов и структур. Неoinституционализм (Дж. Марч, Й. Олсен [19], Д. Норт [20]) фокусирует внимание на формировании норм, правил и процедур взаимодействия социальных групп и институтов (в данном случае — государства) как результата политических изменений, инициированных трансформацией институциональной среды.

Перед тем как перейти к анализу политического представительства саамов в трех странах Северной Европы, необходимо дать общую характеристику саамов, а также обратиться к историко-политическому контексту, который обусловил современные особенности политического представительства саамов.

Саамы — численность, языки, традиционные промыслы

В настоящее время не существует статистических данных, которые показали бы точную численность саамского населения. Это связано с тем, что после окончания Второй мировой войны в Норвегии, Швеции и Финляндии не велось переписи, в которой бы указывалась принадлежность к коренному народу. Также это обусловлено проводимой в этих странах политикой ассимиляции и дискриминации, что привело к отказу многих представителей коренного народа от своей саамской идентичности. Согласно данным Союза саамов, являющегося международной ор-

ганизацией, объединяющей саамские организации Норвегии, Швеции, Финляндии и России, численность саамского населения оценивается в более чем 100 тыс. чел.¹. Однако эти данные, вероятно, включают в себя и тех саамов, которые напрямую не заявляют о своей идентичности. Так, до принятия в Швеции Закона о Саамском парламенте (*Sami Parliament Act*) в 1992 г.² государство указывало, что саамами являются только те, кто владеет оленями и занимается оленеводством. Это означало, что существовали большие группы саамов, которые не считались саамами в глазах государства. С момента принятия Закона о Саамском парламенте язык стал главным маркером идентичности.

Чтобы узнать число взрослых саамов³, которые официально признают свою этническую принадлежность, следует обратиться к специальным реестрам избирателей, созданным для того, чтобы позволить саамам участвовать в выборах в их представительные органы. Для регистрации в реестре им необходимо подтвердить свою принадлежность к коренному народу и соответствовать определенным критериям, основанным как на генеалогической, так и на языковой принадлежности [21, p. 1119]. Согласно данным реестров избирателей в трех странах в 2021—2023 гг., 35 829 чел. заявили о своей саамской принадлежности: 20 543 — в Норвегии⁴, 9226 — в Швеции⁵ и 6060 — в Финляндии⁶.

Современные саамы говорят на девяти саамских языках, при этом далеко не все представители коренного народа являются их носителями. Большинство саамов либо не владеют саамским языком, либо используют его как второй язык [22]. Многие саамы предпочли отказаться от своей идентичности в связи с проводимой в прошлом ассимиляционной политикой, что привело к сокращению числа носителей саамских языков. Хотя за последнее время меры по ревитализации саамских языков имели определенный успех, все еще существует угроза их утери [23, p. 404]. Согласно критериям, определенным ЮНЕСКО, сегодня на грани исчезновения находятся все саамские языки⁷.

Основные традиционные промыслы коренного народа — оленеводство, рыболовство и охота. К настоящему времени большинство саамов отказались от своего традиционного образа жизни и перешли в другие, более востребованные сферы занятости [24, p. 11].

Эволюция политико-правового статуса саамов

С середины XIX по середину XX в. саамы Норвегии, Швеции и Финляндии подвергались принудительной ассимиляционной политике [25, p. 12]. Если до этого северные территории, на которых исконно проживали саамы, не вызывали особо-

¹ Saami Council, 2024, *Arctic Council*, URL: <https://arctic-council.org/ru/about/permanent-participants/saami-council/> (дата обращения: 15.12.2023).

² Sametingslag (1992:1433), 2022, *Sveriges riksdag*, URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/sametingslag-19921433_sfs-1992-1433/ (дата обращения: 15.12.2023).

³ Для того чтобы участвовать в выборах в саамские парламенты, необходимо достигнуть возраста 18 лет.

⁴ Valgresultat. Sametingsvalg, 2021, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2021/sa> (дата обращения: 09.12.2023).

⁵ Valresultat. Sametingsval 2021, 2023, *Valmyndigheten*, URL: <https://www.val.se/valresultat/sametinget/2021.html> (дата обращения: 09.12.2023).

⁶ Saamelaiskäräjävaalien tulos, 2023, *Samediggi*, URL: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2023/10/Saamelaiskarajavaalin-tulokset-2023-1.pdf> (дата обращения: 09.12.2023).

⁷ Atlas of the World's Languages in Danger, 2010, *UNESCO*, URL: <https://web.archive.org/web/20220608054501/http://www.unesco.org/tools/fileretrieve/43fdd320.pdf> (дата обращения: 09.12.2023).

го интереса у титульного населения, прежде всего из-за своего сурового климата, то после обнаружения там сырья в ходе индустриальной революции данные территории стали активно осваиваться. Освоение и эксплуатация северных регионов привели к тому, что коренной народ лишился уникального права на свою землю. Помимо этого, ущемлялись и другие права саамов. Коренной народ стал активно подвергаться политике принудительной ассимиляции и угнетения.

Одной из основных причин проведения такой политики было то, что страны преследовали цель создания централизованных унитарных государств и достижения гомогенности своих обществ. Реализация данной цели происходила в том числе путем подавления какой-либо этнической гетерогенности. Это было значимо как для Норвегии, которая получила независимость от Швеции в 1905 г., так и для Финляндии, провозгласившей независимость от России в 1917 г. В Швеции практики нациестроительства также развивались, особенно во время распространения идей «научного» расизма и культа особой «нордической расы», который целенаправленно конструировался основанным в 1922 г. в Уппсале при поддержке основных политических партий Швеции Государственным институтом расовой биологии (Statens institut för rasbiologi) [26, p. 153]. Саамов причисляли к низшему народу, который не мог иметь те же права, что и титульное население. Саамская культура, соответственно, также признавалась менее развитой по отношению к культуре титульного населения.

Принудительная ассимиляционная политика по отношению к саамам характеризовалась запретом на использование саамских языков, отрицанием их культуры и права на автономию. Кроме того, в Швеции саамы-оленоводы подверглись насильственному переселению со своих исконных территорий на севере страны в более южные регионы [27, p. 3].

В тот период саамы не имели возможности участвовать в политической жизни своих стран. Несмотря на то, что Норвегия, Швеция и Финляндия ввели всеобщее избирательное право в начале XX в., уровень политического участия коренного народа оставался крайне низким. Например, в Швеции существовали ограничения, которые лишали возможности саамов участвовать в выборах. Чтобы обладать избирательным правом, необходимо было либо платить налоги государству, либо нести военную службу, либо получать социальное пособие по бедности [28, p. 293]. Те саамы, которые занимались оленеводством и вели кочевой образ жизни, не подходили ни под один из критериев и, соответственно, не участвовали в выборах.

Однако после завершения Второй мировой войны политико-правовой статус саамов стал значительно улучшаться. Нюрнбергский процесс стал триггером, запустившим радикальные изменения институциональной среды, которые привели к закреплению в международном праве эгалитарной трактовки прав человека. Особое значение имело принятие Организацией Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека в 1948 г.¹ и Конвенции Международной организации труда (МОТ) о правах коренных и племенных народностей 1957 г. (№ 107)². Принятие данных международных документов означало качественные изменения институциональной среды в международном и национальном праве и стало решающим стимулом для развития прав меньшинств.

На фоне процессов деколонизации и демократизации активизировалось и саамское движение, которое берет свое начало еще с первой четверти XX в. Первое

¹ Universal Declaration of Human Rights, 1948, *United Nations*, URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 19.12.2023).

² Indigenous and Tribal Populations Convention (№ 107), 1957, *International Labour Organization*, URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C107 (дата обращения: 19.12.2023).

в истории собрание саамов прошло 6 февраля 1917 г. в Тронхейме, Норвегия. Норвежские и шведские саамы собрались вместе, чтобы договориться об объединении своих усилий через границы. Эта знаковая дата в итоге была признана международным днем саамов в 1992 г. [29, р. 17]. Примечательно, что председателем оргкомитета собрания стала женщина, активист движения за гражданские права саамов и писатель Эльза Лаула Ренберг (1877—1931). Она получила образование акушера в Стокгольме, вышла замуж за оленевода, родила 6 детей, была автором политического памфлета «Сталкиваемся ли мы с жизнью или смертью? Слова истины о ситуации в Лапландии» («Infor lif eller död? Sanningsord i de Lappska förhållandena»). В памфлете, опубликованном в 1904 г., Э.Л. Ренберг написала про проблемы саамов, такие как образование (школы-интернаты с расовой сегрегацией), избирательные права и права на владение землей. Считается, что памфлет повлиял на пробуждение национального духа саамов, стал началом процессов их деколонизации [30, р. 234]. После событий 1917—1918 гг. саамское движение угасло и оставалось в значительной степени бездействующим до 1950-х гг., когда оно вновь активизировалось в ответ на строительство гидроэлектростанций в норвежской Лапландии и когда была создана организация «Национальный союз шведского саамского народа» («Svenska Samers Riksförbund») [9, р. 1146].

Новым толчком для активизации саамского движения также стало проведение в 1953 г. первой Международной саамской конференции, а затем и создание в 1956 г. Союза саамов¹. Данная международная организация была создана для объединения усилий по решению общих для саамов проблем. В качестве главной политической цели Союза саамы определили достижение прав на самоопределение и самоуправление, под которыми они понимали получение возможности самим контролировать свою судьбу и принимать участие в принятии решений, касающихся их развития.

Более того, в Норвегии, Швеции и Финляндии происходило осознание того, что классическая модель представительной демократии, принципом которой является «один человек — один голос», создает в мультикультурных государствах ситуацию, когда меньшинство оказывается во власти большинства и не имеет возможности быть услышанным [31, р. 6]. Вследствие этого в странах менялось восприятие отношений между большинством и меньшинством.

Финляндия стала первым государством, которое сделало шаг, способствовавший значительному повышению участия саамов в процессах принятия политических решений. В 1973 г. в Финляндии был принят закон, благодаря которому была создана организация для представительства интересов коренного народа на территориях его проживания — Саамская делегация². В 1996 г. Саамская делегация в Финляндии была официально заменена Саамским парламентом³.

Создание Саамской делегации оказало еще большее влияние на саамское движение в соседних Норвегии и Швеции и усилило давление на их центральные власти. На радикальный разворот политики в отношении саамов в этих двух странах значительно повлияли конфликты, возникшие между коренным народом и их государствами. В конце 1970 — начале 1980-х гг. в Норвегии в фюльке Финнмарк произошла целая серия протестов саамского населения, которое выступило против

¹ About the Saami Council, 2024, *Saami Council*, URL: <https://www.saamicouncil.net/en/the-saami-council> (дата обращения: 20.12.2023).

² Asetus saamelaisvaltuuskunnasta (№ 824), 1973, *Finlex*, URL: <https://finlex.fi/fi/laki/al-kup/1990/19900988> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Act on the Sámi Parliament (№ 974), 1995, *Ministry of Justice, Finland*, URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1995/en19950974_20031026.pdf&ved=2ahUKEwjY7cjpVSDAxVRP-BAIHVZwC4EQFnoECA0QBQ&usq=AOvVaw17xYp_96KPXraNIATbKzZu (дата обращения: 20.12.2023).

сооружения гидроэлектрической станции на реке Альта, поскольку осуществление данного проекта привело бы к затоплению саамской деревни, вынужденной миграции коренного народа и нарушению его промыслов. В Швеции в начале 1980-х гг. саамы, проживающие в провинции Емтланд, также вступили в конфликт с государством по поводу права собственности на земли, которые как они, так и их предки обрабатывали и использовали для выпаса оленей на протяжении долгого периода времени в истории [32, s. 25]. Саамам Швеции не удалось тогда отстоять права на свои земли. Протесты саамов в Норвегии также были подавлены, и им не удалось предотвратить строительство гидроэлектростанции. Тем не менее в результате данных конфликтов вопросы улучшения положения саамов приобрели еще большую значимость. Более того, после протестов саамов в Альте правительство Норвегии решило организовать встречи с представителями саамских организаций в 1980—1981 гг. В результате данных встреч было решено учредить специальный комитет, который занялся рассмотрением правового статуса саамов [33, s. 234]. Комитетом по итогу было вынесено предложение о создании представительного органа для саамов, а затем и об утверждении закона о Финнмарке, согласно которому около 96 % земельных и внутренних водных ресурсов в фюльке Финнмарк передавалось жителям данного региона¹. С тех пор данная территория находится под управлением Агентства Финнмарка.

Из приведенных примеров следует, что конфликты между саамами, с одной стороны, и государством — с другой, значительно повлияли на радикальный разворот в саамской политике. Саамы в Норвегии были конституционно признаны коренным народом в 1988 г. Напротив, несмотря на то что саамы в Швеции относят свое первое официальное признание со стороны Риксдага к 1977 г., их конституционное признание произошло только в 2011 г. Норвегия ратифицировала Конвенцию МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в 1990 г., тогда как Швеция этого не сделала до сих пор [34, p. 1206].

В Норвегии в 1987 г. был принят Закон о саамах², который вступил в силу в 1989 г. и согласно которому в итоге был создан Саамский парламент. Швеция была последней из трех стран, в которой в 1993 г. был создан аналогичный парламент³. В законах о создании саамских парламентов также официально признавались саамские языки и культура.

Таким образом, возможности политического представительства саамов были значительно расширены в результате компромиссов, которые были найдены между центральной властью и коренным народом.

Создание похожих органов самоуправления коренного народа в трех странах было не случайным. Норвегия, а затем и Швеция заимствовали изначальную финскую модель органа самоуправления для саамов. Ситуации заимствования странами чужого политического опыта объясняются в рамках неоинституционализма теорией диффузии, когда государства, особенно дружественные, могут создавать похожие институты [35, p. 10], а также институционального изоморфизма, под которым понимается схожесть в определенном социальном пространстве институтов, создающихся в разных странах в результате как их независимого развития, так и заимствования, особенно в условиях современной глобализации [36, p. 2]. Различия

¹ Act relating to legal relations and management of land and natural resources in Finnmark, 2005, *Lovdata*, URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-06-17-85?q=Finnmark%20Act> (дата обращения: 21.12.2023).

² The Sámi Act (№ 56), 1987, *Regjeringen*, URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/the-sami-act/-id449701/> (дата обращения: 21.12.2023).

³ The Sámi Act (№ 1433), 1992, *Sametinget*, URL: <https://www.sametinget.se/9865> (дата обращения: 21.12.2023).

между парламентами, в свою очередь, можно объяснить с помощью концепции зависимости от предшествующего пути развития (path dependence) [37, p. 86]. Согласно данной концепции, институты, имеющие при создании схожие цели и ориентиры, могут в дальнейшем развиваться по-разному, в том числе по такому пути, который никто раньше не предполагал. Различия между саамскими парламентами более подробно рассматриваются в другом разделе статьи.

В настоящее время саамы обладают такими же политическими правами, как и титульное население, и имеют право участвовать в выборах в качестве избирателей и кандидатов. Коренной народ вправе создавать свои собственные общественные организации и даже политические партии. Однако формальное равенство граждан не обязательно ведет к их фактическому равенству. Население, разделенное на большинство и меньшинство, все равно зачастую оказывается в ситуации, когда права и обязанности распределяются непропорционально. Несмотря на значительное улучшение политико-правового статуса саамов они остаются меньшинством, что является причиной особенностей, а также сложностей их участия в процессах политического представительства. Более того, саамы по-прежнему в определенной степени сталкиваются с дискриминацией. Саамское происхождение и использование саамских языков приводит к более высокой вероятности сообщения о дискриминационном опыте. Существует также тенденция того, что у саамов, которые придерживаются своей культуры, используют саамский язык в речи и занимаются оленеводством, чаще наблюдаются более низкие индикаторы здоровья и социально-экономического статуса [34, p. 1208; 23, p. 406]. Таким образом, можно говорить о том, что странам Северной Европы еще не удалось полностью преодолеть дискриминационные практики по отношению к саамскому населению.

Политическое представительство саамов в национальных, региональных и местных парламентах

В настоящее время посредством политического представительства саамы в Норвегии, Швеции и Финляндии оказывают влияние на принятие политических решений через местные, региональные и национальные парламенты, органы культурного самоуправления (саамские парламенты), а также через соглашения о сотрудничестве с регионами и муниципалитетами. Однако влияние через данные каналы не равнозначно и не в одинаковой степени позволяет саамам участвовать в принятии политических решений. При этом важно также учитывать, что не у всех саамов их этническая идентичность является доминирующей по сравнению с гражданской, что может влиять на их политическое поведение и участие в законодательных органах власти.

Саамы никогда не имели значительного представительства в национальных парламентах. Хотя первый саам был избран в парламент Норвегии еще в 1906 г., коренному народу не удалось добиться повышения своего представительства в данном законодательном органе. Для сравнения, в Финляндии первый саам был избран в национальный парламент лишь в 2007 г., а в Швеции, в свою очередь, еще не один саам не был избран в национальный парламент [31, p. 12].

Стоит также отметить, что в национальных парламентах не предусмотрено квот для коренного народа. В Швеции в 1920—1930 гг. вносились два предложения по поводу предоставления саамам квот в Риксдаге [38, s. 74]. Однако они не получили особой поддержки, и с тех пор эта тема в парламенте больше не обсуждалась. В Норвегии также время от времени возникали предложения об обеспечении представительства саамов в Стортинге. Например, в 1974 г. либеральная партия

подняла вопрос о закреплении права саамов избирать двух своих представителей в парламент [31, р. 14]. Однако, как и в Швеции, данное предложение так и осталось лишь идеей.

Политическое представительство саамов на региональном и местном уровнях является незначительным за некоторыми исключениями. Так, в законодательные органы регионов Норвегии Трёнделаг, Нурланд, Тромс и Финнмарк время от времени избираются кандидаты с саамским происхождением. Однако они получают лишь малое количество мандатов и представляют общенациональные политические партии, например Рабочую партию (Arbeiderpartiet) и Красную партию (Rødt), но не саамские партии, которые не способны выдержать конкуренцию на региональных выборах. Лишь на последних выборах, проходивших в фюльке Финнмарк в 2023 г., саамы баллотировались от двух саамских партий: от Саамской народной партии (Samefolketsparti), которая, однако, набрала недостаточное количество голосов и не получила ни одного мандата, и от партии «Люди Северного Калотта» (Nordkalottfolket), которая впервые на региональных выборах завоевала 19 % голосов, заняв 2-е место и получив 7 мандатов из 35¹. На прошлых региональных выборах в 2019 г. в объединенном тогда фюльке Тромс и Финнмарк партия «Люди Северного Калотта» смогла завоевать лишь один мандат. При этом два мандата также получили саамы из специального избирательного списка (Samelista), обычно использующегося на выборах в Норвегии для объединения кандидатов, не представляющих ни одну из политических партий².

Более того, согласно Закону о Финнмарке, земельными и внутренними водными ресурсами фюльке Финнмарк с 2005 г. управляет совет директоров, в состав которого входят шесть членов. Одна половина совета назначается Саамским парламентом, другая — региональным советом. Благодаря такому представительству саамы Норвегии наконец получили возможность отстаивать свои права на использование земель и вод, которыми пользовались их предки на протяжении длительного периода в истории.

Похожая система управления предлагалась и в фюльке Тромс и Нурланд. Организацию, которая бы управляла 50 % земельных и внутренних водных ресурсов данных регионов, предлагалось назвать Hålogalandsallmenningen³. Однако данное предложение не встретило значительной поддержки и до сих пор не было реализовано на практике.

На местах саамы лучше всего представлены в муниципалитетах Карасьоке и Каутокеино, культурных центрах саамов, где большая часть населения является носителями саамского языка⁴. В их законодательных собраниях представлены как беспартийные саамы, так и саамы, представляющие норвежские национальные и саамские партии. К таким национальным партиям относятся Рабочая партия (Arbeiderpartiet), Консервативная партия (Høyre), Либеральная партия (Venstre),

¹ Valgresultat. Finnmark, 2023, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2023/fy/finnmark%20finnmark%20C3%A1rku#partyDistribution> (дата обращения: 22.12.2023).

² Valgresultat. Finnmark, 2019, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2019/fy/troms%20og%20finnmark#partyDistribution> (дата обращения: 22.12.2023).

³ Hålogalandsallmenningen. Om forvaltning av fast eiendom i Troms og Nordland, 2008, *DUO Research Archive*, URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/21880/87315.pdf> (дата обращения: 22.12.2023).

⁴ Valgresultat. Karasjok, 2021, *VG*, URL: <https://www.vg.no/valgnatt/2023/ko/fylker/finnmark-finnmarku/kommuner/karasjohka-karasjok> (дата обращения: 22.12.2023); Valgresultat. Kautokeino, 2021, *VG*, URL: <https://www.vg.no/valgnatt/2023/ko/fylker/finnmark-finnmarku/kommuner/guovdageaidnu-kautokeino> (дата обращения: 22.12.2023).

Партия прогресса (Fremskrittspartiet) и Партия центра (Senterpartiet). К саамским партиям, в свою очередь, относятся партия «Усилие» («Árja») и Саамская народная партия (Samefolkets Parti).

В Швеции и Финляндии представительство саамов на региональном и местном уровнях еще ниже, чем в Норвегии, поскольку большинство из них стремится не участвовать в деятельности национальных политических партий. Еще на первом всесаамском собрании в 1917 г. саамы Швеции отказались от партийной политики [38, s. 71]. Причиной отказа могло послужить то, что интересы саамов, связанные с оленеводством, неизбежно столкнулись бы с интересами партий, которые выступали за развитие лесного и сельского хозяйства. Еще одной причиной могло быть нежелание коренного народа зависеть от решений представителей несаамского населения. В настоящее время большинство саамов Швеции также отказывается участвовать в деятельности национальных политических партий. Следовательно, в большинстве мест они выдвигаются в качестве кандидатов на выборах лишь эпизодически. Более значительно представительство саамов лишь в их культурных и политических центрах Йоккмюкк и Кируна. В муниципалитете Йоккмюкк в последнее время завоевывать места в местном законодательном собрании стала партия «Саамский колодец» («Samernas Vål»)¹. В Кируне мандаты получают саамы, включенные в беспартийный список (Sámelistu)².

Таким образом, несмотря на изначальный отказ шведских саамов от партийной политики, после создания Саамского парламента, а затем саамских организаций и партий коренной народ стал активнее принимать участие в выборах, особенно в муниципалитетах Йоккмюкк и Кируна, что, хотя и незначительно, но повысило степень политического представительства саамов. Достижением стало и то, что с образованием Саамского парламента несколько партий Швеции, например Социал-демократическая рабочая партия (Sveriges socialdemokratiska arbetareparti), Левая партия (Vänsterpartiet) и Партия зеленых (Miljöpartiet de gröna), развили свои саамские программы, что повышает шансы на большую политическую представленность интересов саамов.

Что касается саамов Финляндии, то стоит отметить, что они не особо активны в деятельности национальных политических партий, как и саамы в Швеции. Поскольку у них нет своих партий, в случае их участия в выборах они представляют финские партии, прежде всего Партию центра (Keskustapuolue)³, которая нередко встает на их сторону в вопросе защиты их прав и от которой был избран первый саам в национальный парламент Финляндии. Также стоит учитывать, что, так как численность саамов в Финляндии значительно меньше, чем в соседних Норвегии и Швеции, их избрание в региональные и местные законодательные собрания еще более редкое явление. Тем не менее уровень политического представительства саамов немного выше в их культурных центрах: в муниципалитетах Инари, Утсйоки, Энонтекиё и Соданкюля⁴.

В целом можно утверждать, что существуют институционализированные (парламенты и партии) и неинституционализированные формы политического представительства саамов (табл. 1).

¹ Kommunval. Jokkmokk, 2022, *Valmyndigheten*, URL: <https://valresultat.svt.se/2022/kommunval-2510-jokkmokk.html> (дата обращения: 22.12.2023).

² Kommunval. Kiruna, 2022, *Valmyndigheten*, URL: <https://valresultat.svt.se/2022/kommunval-2584-kiruna.html> (дата обращения: 22.12.2023).

³ Kuntalista, 2022, *Vaalitulokset*, URL: <http://vaalitulokset.kp24.fi> (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Saamelaiset Suomessa, 2023, *Samediggi*, URL: <https://www.samediggi.fi/saamelaiset-info/> (дата обращения: 23.12.2023).

Таблица 1

Институционализация политического представительства саамов

Форма политического представительства (на 2024 г.)	Норвегия	Швеция	Финляндия
Представленность саамов в национальном парламенте	+/- ¹	-	-
Саамские парламенты	+	+	+
Саамские партии	+	+	-
Организации и движения саамов	+	+	+

Саамы в вопросах политического представительства фокусируются прежде всего на участии в саамских парламентах, а также в саамских партиях, организациях и движениях саамов, поскольку им затруднительно добиться адекватного уровня представительства как на национальном, так и на региональном и местном уровнях власти. Саамская идентичность также не всегда определяет политические предпочтения и решения представителей коренного народа, особенно учитывая факт проживания саамов в странах с развитой гражданской идентичностью. Для учета этого фактора важно рассматривать не только представленность саамов в законодательных органах власти, но и активность в политических и культурных институтах, ориентированных на защиту их прав.

Участие саамов в выборах чаще является эпизодическим. Исключение составляет более значительное представительство в их культурных и политических центрах, а также представительство в рамках Закона о Финнмарке. Несмотря на это саамы имеют возможность отстаивать свои интересы благодаря соглашениям о сотрудничестве саамских парламентов как с регионами, так и с муниципалитетами, входящими в ареал традиционного расселения саамов. Соглашения о сотрудничестве затрагивают такие области, как ревитализация саамских языков, развитие саамской культуры, образования, получаемого на саамских языках, поощрение традиционных промыслов саамов, а также борьба с проявлениями расизма. После создания саамских парламентов проблемы саамов получили большее признание и национальные политические партии сформировали свои саамские программы, что повысило шансы саамов на более широкую представленность их интересов. Особенно это касается Норвегии, где саамы наиболее активны в деятельности национальных политических партий.

Саамские парламенты как представительные органы

В связи с неспособностью саамов добиться адекватного уровня политического представительства на национальном, региональном и в большинстве случаев местном уровнях саамские парламенты стали решением, которое позволило повысить уровень вовлеченности саамов в политические процессы.

Поскольку саамы не представляют собой большинство в регионах их традиционного расселения, во всех трех странах был выбран нетерриториальный способ предоставления им самоуправления. Саамы были наделены культурной автономией, воплощением которой стали саамские парламенты. Саамские парламенты предоставляют возможность саамам сохранять и развивать свою культуру, язык и традиционные промыслы. В то же время их функции выходят за рамки культурного

¹ В национальном парламенте Норвегии ни один саам в качестве депутата не представлен. Однако в 2021 г. Х.Г. Даниэльсен, которая имеет саамское происхождение и представляет интересы саамов, была избрана в Стортинг заместителем представителя Сёр-Трёнделага от Социалистической левой партии.

самоуправления и включают элементы политического представительства, что отличает их от других видов национально-культурной автономии, которые не обладают политическими полномочиями.

Таким образом, саамские парламенты представляют уникальную форму сочетания культурного самоуправления и политического представительства, что подчеркивает важность их институционального анализа в контексте политической репрезентации коренных народов.

Между саамскими парламентами Норвегии, Швеции и Финляндии существует много общего. Так, основной целью данных органов является достижение равных политических, экономических, социальных и культурных прав для саамов, а также поддержание и защита их автохтонных языков, культуры и традиционных промыслов.

Парламенты имеют схожие полномочия. Во-первых, парламенты — это официальные представители саамского населения, а, значит, сферой их деятельности выступает защита саамских интересов. Во-вторых, парламенты обладают полномочиями по распределению в соответствии со своими целями и нуждами бюджета, который формируется за счет предоставления финансирования со стороны национальных правительств [39, s. 391]. В-третьих, парламенты могут принимать решения, касающиеся языка и культуры саамов, а также затрагивающие сферу получения образования на саамских языках. В-четвертых, парламенты занимаются информированием о проблемах, с которыми сталкивается коренной народ, что важно для обеспечения защиты его интересов. В-пятых, они вносят предложения в органы власти, затрагивающие такие аспекты социальной политики, проводимой по отношению к саамам, как, например, поддержание их материального благосостояния, улучшение условий проживания и трудовой деятельности, повышение уровня образования, ревитализация языка и сохранение культуры и др. Наконец, представители саамских парламентов участвуют в парламентских слушаниях, хотя и не обладают правом вето на принимаемые государственными органами решения. При этом Саамский парламент в Норвегии способен также осуществлять контроль за использованием части своих исконных территорий, поскольку его представители участвуют в управлении земельными и внутренними водными ресурсами в фюльке Финнмарк.

Все три саамских парламента являются консультативными органами, обладающими правом принимать решения в узконаправленной сфере, которая затрагивает непосредственно саамское население. Саамские парламенты функционируют при определенных министерствах: в Финляндии — при министерстве юстиции, в Швеции — при министерстве сельского хозяйства, в Норвегии — при министерстве труда и инклюзивности, с учетом того, что другие министерства также занимаются вопросами саамской политики.

Саамские парламенты имеют двоякую роль, поскольку они представляют, с одной стороны, интересы коренного народа, с другой — государственные интересы по проведению определенной саамской политики [40, p. 109]. Нельзя утверждать, что саамские парламенты имеют абсолютную независимость от государственной власти. Именно государство определяет, какими полномочиями будет обладать представительный орган саамов, а также обеспечивает его экономическую основу. Согласно М. Берг-Нордли, определенный контроль со стороны государства за органом самоуправления коренного народа необходим, чтобы не допустить ситуацию, в которой процессы принятия решений в определенной сфере монополизированы теми, кто не опирается на большинство [39, s. 392]. М. Берг-Нордли подчеркивает, что саамы не являются большинством ни в одном из регионов своего исконного

проживания, за исключением нескольких муниципалитетов, и, соответственно, проведение политики по решению тех или иных саамских вопросов затрагивает и основную часть населения.

Важным моментом является получение доступа к формированию состава саамских парламентов. Как указывалось ранее, существуют специальные реестры избирателей, предоставляющие возможность участвовать в выборах в саамские парламенты в качестве как избирателей, так и кандидатов. За последние годы все больше саамов регистрируются в реестре и принимают участие в выборах. Однако далеко не все представители саамского народа могут зарегистрироваться в реестре. Некоторым из них может быть сложно доказать свою принадлежность по причине того, что в семье был утерян язык в результате проводившейся в прошлом ассимиляционной политики.

Для более полного понимания работы саамских парламентов полезно проанализировать их численность, принципы формирования, а также политико-идеологический состав. Данные параметры позволяют наглядно сравнить особенности работы саамских парламентов в Норвегии, Швеции и Финляндии, что способствует более глубокой оценке их роли в политической системе каждой из стран (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ саамских парламентов в Норвегии, Швеции и Финляндии: численность, принципы формирования и политико-идеологический состав

Параметр	Саамский парламент Норвегии	Саамский парламент Швеции	Саамский парламент Финляндии
Численность	39	31	21
Принцип формирования	Пропорциональная избирательная система с семью округами, учитывающими географическую и культурную репрезентацию. Выборы проходят раз в четыре года	Система относительного большинства в единственном избирательном округе по всей стране. Выборы проходят раз в четыре года	Выборы в единственном избирательном округе, включающем исконные территории саамов, с учетом культурных подгрупп. Выборы проходят раз в четыре года
Политико-идеологический состав	Ассоциация саамов Норвегии доминирует; также участвуют национальные норвежские партии, такие как Рабочая партия и Партия центра	Доминирующая партия — «Охотничьи и рыболовные общины»; в парламенте также представлены другие саамские партии и организации	Саамские партии отсутствуют; все кандидаты — самовыдвиженцы

Выборы в саамские парламенты проходят раз в четыре года. Последние такие выборы в Норвегии и Швеции состоялись в 2021 г., а в Финляндии — в 2023 г. Наибольший уровень явки на выборах в Саамский парламент наблюдается в Норвегии и стабильно составляет 67—70 %¹. Уровень явки на выборах в Саамский парламент Швеции за последние восемь лет к 2021 г. вырос на 10 % и составил 64,8 %². Наименьший уровень явки наблюдается в Финляндии: на последних вы-

¹ Valgresultat. Sametingsvalg, 2021, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2021/sa> (дата обращения: 23.12.2023).

² Valresultat. Sametinget, 2021, *Valmyndigheten*, URL: <https://www.val.se/valresultat/sametinget/2021.html> (дата обращения: 23.12.2023).

борах в 2023 г. он был 51,6 %¹, тогда как на прошлых выборах в 2019 г. — 48,58 %². Снижение уровня явки ниже 50 % может говорить о неспособности Саамского парламента Финляндии по мере расширения избирательного реестра привлекать представителей саамского народа к решению вопросов, связанных с их индигенностью. В Финляндии, как и в Норвегии и Швеции, только в большей степени, существует тенденция регистрации некоторых саамов в реестре избирателей не с целью участия в осуществлении саамской демократии, а лишь для признания своей принадлежности к саамскому народу.

Наиболее высокий уровень явки на выборах в Саамский парламент Норвегии, в свою очередь, можно объяснить наличием особой системы избирательных округов. Такая система представлена пропорциональной избирательной системой с семью округами, охватывающими все регионы Норвегии, что важно в условиях рассредоточения саамов по всей стране [41, р. 267]. Более того, избирательные округа в рамках данной системы сформированы таким образом, чтобы в выборах могли участвовать разные культурные подгруппы коренного народа. В целом в Саамском парламенте предусмотрено 39 мандатов³. Число представителей, которое можно избрать от каждого избирательного округа, зависит от количества зарегистрированных там избирателей.

В Швеции выборы в Саамский парламент также проходят на территории всей страны, но в рамках единственного избирательного округа. В парламент избирается 31 представитель по системе относительного большинства⁴. При этом голосовать можно как за партию, так и за ее отдельного представителя.

В Финляндии в Саамский парламент избирается 21 представитель⁵. Выборы проходят, как и в Швеции, в пределах единственного избирательного округа, который, впрочем, включает в себя исключительно территории, исконно заселенные коренным народом. Избирательный округ представлен четырьмя подокругами, которые поделены таким образом, чтобы учитывались голоса разных культурных подгрупп саамов. В каждом подокруге избираются не менее трех представителей, а также представители в целом от избирательного округа. Несмотря на учет голосов разных культурных подгрупп саамов, такая система не берет в расчет тех представителей коренного народа, которые проживают в других регионах страны.

В выборах в саамские парламенты Норвегии и Швеции в качестве кандидатов участвуют саамские партии и организации, оленеводческие общины, а также отдельные самовыдвиженцы. Так, Ассоциация саамов Норвегии (Norske Samers Riksforbund) еще с самых первых выборов в Саамский парламент Норвегии получает наибольшее число мандатов⁶. На выборах в Саамский парламент Швеции начиная с 2005 г. первое место стабильно занимает саамская партия «Охотничьи

¹ Saamelaiskäräjävaaalien tulos, 2019, *Samediggi* (2019), URL: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2023/10/Saamelaiskarajavaalin-tulokset-2023-1.pdf> (дата обращения: 23.12.2023).

² Vaalit, 2019, *Samediggi*, URL: <https://dokumentit.solinum.fi/samediggi/?f=dokumenttipankki/vaalit/suomeksi> (дата обращения: 23.12.2023).

³ Sametinget i Norge, 2024, *Sametinget*, URL: https://sametinget.no/_f/p1/i50a5462d-5adf-4638-8376-ef2405c9792a/sametinget-brosjyre-a4-norsk-230623.pdf (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Sametingsvalet, 2022, *Sametinget*, URL: <https://www.sametinget.se/val> (дата обращения: 23.12.2023).

⁵ Saamelaiskäräjien vaalien tuloksen määräytyminen, 2023, *Samediggi*, URL: <https://www.samediggi.fi/vaalit-2023/saamelaiskarajien-vaalien-tuloksen-maaraytyminen/> (дата обращения: 24.12.2023).

⁶ Valgresultat. Sametingsvalg, 2021, *Valgdirektoratet*, URL: <https://valgresultat.no/valg/2021/sa> (дата обращения: 24.12.2023).

и рыболовные общины» (Jakt- och fiskesamerna)¹. Представительный орган саамов как в Норвегии, так и в Швеции сформирован в настоящий момент семью партиями и организациями. Следует подчеркнуть, что в выборах в Саамский парламент Норвегии также участвуют саамы от имени национальных норвежских партий: Рабочей партии, Партии центра и Партии прогресса.

В Финляндии саамы не имеют своих саамских партий. Центральная ассоциация саамов Финляндии является единственной крупной организацией коренного народа в стране, которая при этом не участвует в формировании Саамского парламента. Кандидатами на выборах в представительный орган саамов становятся исключительно кандидаты-самовыдвиженцы. Тот факт, что саамы Финляндии и Швеции не избираются в саамские парламенты от имени национальных политических партий, связан, как указывалось ранее, с тем, что большинство из них избегает участия в партийной политике.

Заключение

В статье были рассмотрены различные стороны политического представительства саамов в Норвегии, Швеции и Финляндии. С опорой на методологию неоинституционализма был сделан вывод о том, что современные особенности политического представительства коренного народа обусловлены определенным исторически-политическим контекстом, который включал в себя качественное изменение политико-правового статуса саамов и нахождение компромиссов между государством и коренным народом, в том числе в результате конфликтов. Использование методологии конструктивизма позволило рассмотреть формирование идентичности как основы движения саамов с требованиями вначале экономической, культурной, социальной, а впоследствии политической репрезентации.

Общей для саамов в этих странах является неспособность добиться адекватного политического представительства на всех уровнях власти, за исключением их культурных центров. Участие саамов в выборах чаще всего эпизодическое. Более того, низкий уровень вовлеченности шведских и финских саамов в деятельность национальных политических партий еще более отдаляет их от политики на всех уровнях власти, тогда как в Норвегии саамы более активны в партийной политике. Участие саамов Норвегии в деятельности национальных политических партий можно объяснить исторически сложившимися условиями, которые предоставили саамам больше возможностей для политической активности и интеграции в партийные структуры. В Норвегии также существует более развитая система защиты прав коренных народов, частью которой является ратифицированная Норвегией Конвенция МОТ № 169, что способствует их участию в национальной политике без опасения противоречий с экономическими интересами или зависимости от несаамского населения. Саамы в Финляндии и Швеции, в свою очередь, имея менее благоприятные условия, предпочитают воздерживаться от партийной политики, чтобы избежать риска потери автономии и контроля над соблюдением своих интересов.

Создание саамских парламентов привело к значительному повышению политической вовлеченности саамов и позволило им самим определять свой путь развития. Во всех трех странах саамские парламенты представляют собой по большому счету консультативные органы, которые функционируют при министерствах

¹ Valresultat. Sametinget, 2021, *Valmyndigheten*, URL: <https://www.val.se/valresultat/sametinget/2021.html> (дата обращения: 24.12.2023).

и полномочия и бюджет которых устанавливаются центром. При этом Саамский парламент Норвегии наиболее эффективно включает саамов в политику за счет как более либеральных критериев для регистрации в избирательном реестре, так и предоставления парламенту права осуществлять контроль за определенными землями своего исконного проживания. В Норвегии также была создана наиболее эффективная система избирательных округов с учетом географической и культурной репрезентативности саамов, что важно в условиях их рассредоточенности на большой территории и миграции из регионов традиционного расселения. В Финляндии же на выборах в Саамский парламент избирательный округ охватывает лишь исконные территории саамов, что исключает участие мигрировавших в другие регионы страны саамов в саамской демократии.

Политическое представительство саамов в саамских парламентах связано и с рядом других трудностей. Так, некоторые саамы регистрируются в избирательном реестре не с целью участия в саамской демократии, а лишь для того, чтобы заявить о своей идентичности. Более того, в затруднительном положении находятся саамы «без статуса», которые не могут подтвердить свою принадлежность к коренному народу по причине утери их семьями саамского языка из-за проводившейся в прошлом политики ассимиляции. В настоящее время часть саамов также утрачивает связь со своим автохтонным языком и перенимает культуру и образ жизни титульного населения. Наконец, несмотря на официальный отказ стран от проведения ассимиляционной и дискриминационной политики по отношению к саамам, все еще существует скептицизм по поводу активного включения коренного народа в процессы принятия политических решений.

В заключение стоит отметить, что данное исследование подтвердило актуальность теорий мультикультурализма, консоциативной демократии и национализма для анализа политического представительства саамов. Эти теории помогают понять, как учитываются культурные различия, интеграция меньшинств и роль этнической идентичности в политическом процессе в Норвегии, Швеции и Финляндии.

Список литературы

1. Kymlicka, W. 1996, *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford, Clarendon Press, 296 p., <https://doi.org/10.1093/0198290918.001.0001>
2. Lijphart, A. 1977, *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*, New Haven, Yale University Press, 268 p.
3. Brubaker, R. 2004, *Ethnicity without Groups*, Cambridge, MA and London, England, Harvard University Press, 296 p., <https://doi.org/10.4159/9780674258143>
4. Тишков, В. А. 2021, Избранные труды : в 5 т. Т. 5 : *Этнология и политика. Статьи 1989—2021 годов*, М., Наука, 639 с.
5. Дробижева, Л. М. 2020, Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения, *Социологические исследования*, №8, с. 37—50, <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
6. Осолков, П. В. 2021, *Очерки по этнополитологии*, М., Аспект Пресс, 175 с. EDN: ROHEY
7. Minde, H. 2005, Assimilation of the sami — implementation and consequences, *Acta Borealia*, vol. 20, №3, p. 121—146, <https://doi.org/10.1080/08003830310002877>
8. Valkonen, J., Valkonen, S., Koivurova, T. 2016, Groupism and the politics of indigeneity: A case study on the Sami debate in Finland, *Ethnicities*, vol. 17, №4, p. 526—545, <https://doi.org/10.1177/1468796816654175>
9. Oksanen, A.-A. 2020, The Rise of Indigenous (Pluri-)Nationalism: The Case of the Sámi People, *Sociology*, vol. 54, №6, p. 1141—1158, <https://doi.org/10.1177/0038038520943105>

10. Lantto, P. 2010, Borders, citizenship and change: The case of the Sami people, 1751—2008, *Citizenship Studies*, vol. 14, № 5, p. 543—556, <https://doi.org/10.1080/13621025.2010.506709>
11. Nyyssönen, J. 2013, Sami Counter-Narratives of Colonial Finland. Articulation, Reception and the Boundaries of the Politically Possible, *Acta Borealia*, vol. 30, № 1, p. 101—121, <https://doi.org/10.1080/08003831.2013.776738>
12. Henriksen, J. B. 2008, The Continuous Process of Recognition and Implementation of the Sami People's Right to Self-Determination, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 21, № 1, p. 27—40, <https://doi.org/10.1080/09557570701828402>
13. Trosterud, T. 2008, Language Assimilation during the Modernisation Process: Experiences from Norway and North-West Russia, *Acta Borealia*, vol. 25, № 2, p. 93—112, <https://doi.org/10.1080/08003830802496653>
14. De Villiers, B. 2021, From Community Autonomy in Hungary to Indigenous Self-Determination in the Outback of Australia: Can Non-Territorial Autonomy Find Traction Down Under?, *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, vol. 20, № 2, p. 1—32, <https://doi.org/10.53779/WKLF4478>
15. Nimni, E. 2019, The Twilight of the Two-State Solution in Israel-Palestine: Shared Sovereignty and Nonterritorial Autonomy as the New Dawn, *Nationalities Papers*, vol. 48, № 2, p. 1—18, <https://doi.org/10.1017/nps.2019.67>
16. Nieguth, T. 2009, An Austrian solution for Canada? Problems and possibilities of national cultural autonomy, *Canadian Journal of Political Science*, vol. 42, № 1, p. 1—16, <https://doi.org/10.1017/S0008423909090015>
17. Wendt, A. 1999, *Social Theory of International Politics*, Cambridge, Cambridge University Press, 429 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>
18. Onuf, N. 2023, *International Theory at the Margins. Neglected Essays, Recurring Themes (Bristol Studies in International Theory)*, Bristol University Press, 282 p.
19. March, J. G., Olsen, J. P. 1984, The new institutionalism: Organizational factors in political life, *The American Political Science Review*, vol. 78, № 3, p. 734—749, <https://doi.org/10.2307/1961840>
20. North, D. C. 1996, Institutional change: a framework of analysis, in: North, D. C. (eds.), *Social Rules*, Routledge, p. 189—201, <https://doi.org/10.4324/9780429497278-13>
21. Gerdner, A. 2021, Ethnic categorisation, identity and perceptions of life among Swedish Samis, *Ethnicities*, vol. 21, № 6, p. 1113—1139, <https://doi.org/10.1177/1468796820949284>
22. Belancic, K., Lindgren, E. 2020, Discourses of Functional Bilingualism in the Sami Curriculum in Sweden, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 23, № 5, p. 601—616, <https://doi.org/10.1080/13670050.2017.1396283>
23. Jaakkola, J. K., Juntunen, S., Näkkäläjärvi, K. 2018, The Holistic Effects of Climate Change on the Culture, Well-Being, and Health of the Saami, the Only Indigenous People in the European Union, *Current Environmental Health Reports*, vol. 5, № 6, p. 401—417, <https://doi.org/10.1007/s40572-018-0211-2>
24. Sarivaara, E., Kesitalo, P. 2016, Mediating Structures in Sámi Language Revitalisation, *Social Inclusion*, vol. 4, № 1, p. 11—18, <https://doi.org/10.17645/si.v4i1.359>
25. Spitzer, A. J., Selle, P. 2020, Is Nonterritorial Autonomy Wrong for Indigenous Rights? Examining the 'Territorialisation' of Sami Power in Norway, *International Journal on Minority and Group, Rights*, vol. 28, № 3, p. 1—24, <https://doi.org/10.1163/15718115-bja10009>
26. Lundström, C., Teitelbaum, B. R. 2017, Nordic Whiteness: An Introduction, *Scandinavian Studies*, vol. 89, № 2, p. 151—158, <https://doi.org/10.5406/scanstud.89.2.0151>
27. Josefsen, E. 2022, 'Sámi Political Shifts. From Assimilation via Invisibility to Indigenization?', in: McNeish, J. A., Postero, N., Ruckstuhl, K., Nimatuj, I. V. (eds.), *The Routledge Handbook of Indigenous Development*, Routledge, p. 1—15, <https://doi.org/10.4324/9781003153085>
28. Olsén, L. 2018, 'Sámi People at Different Levels of Decision-Making Processes in the Global Arctic', in: Finger, M., Heininen, L. (eds.), *The Global Arctic Handbook*, Springer International Publishing, p. 289—306, https://doi.org/10.1007/978-3-319-91995-9_17
29. Ravna, Ø. 2017, A Cold Rain on the Parade When the Sámi Celebrate 100th Anniversary, *Arctic Review on Law and Politics*, vol. 8, <https://doi.org/10.23865/arctic.v8.684>

30. Buhre, F., Bjork, C. 2021, Braiding Time: Sami Temporalities for Indigenous Justice, *Rhetoric Society Quarterly*, vol. 51, № 3, p. 227—236, <https://doi.org/10.1080/02773945.2021.1918515>
31. Josefsen, E. 2010, *The Saami and the national parliaments: Channels for political influence*, Mexico, IPU and UNDP, 27 p.
32. Josefsen, E., Mörkenstam, U., Saglie, J. 2017, Sametingene — institusjoner for selvbestemmelse, in: Josefsen, E., Mörkenstam, U., Nilsson, R., Saglie, J. (eds.), *Ett folk, ulike valg: Sametingsvalg i Norge og Sverige*, Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, s. 24—55.
33. Andresen, A., Evjen, B., Ryymin, T. 2021, Samenes historie fra 1751 til 2020, *Tidsskrift for kjønnsforskning*, vol. 45, № 4, s. 232—235, <https://doi.org/10.18261/issn.1891-1781-2021-04-06>
34. Yasar, R., Bergmann, F., Lloyd-Smith, A., Schmid, S.-P., Holzinger, K., Kupisch, T. 2023, Experience of discrimination in egalitarian societies: the Sámi and majority populations in Sweden and Norway, *Ethnic and Racial Studies*, p. 1203—1230, <https://doi.org/10.1080/01419870.2023.2243313>
35. Mörkenstam, U., Josefsen, E., Nilsson, R. 2016, The Nordic Sámediggi and the Limits of Indigenous Self-Determination, *Gáldu čála*, № 1, p. 4—46.
36. Hwang, K. 2023, The relevance of neo-institutionalism for organizational change, *Cogent Social Sciences*, vol. 9, № 2, <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2284239>
37. Traversa, F. 2021, Power and institutional change: From path dependence to theories of gradual change, *Revista de Economía Institucional*, vol. 23, № 45, p. 83—108, <https://doi.org/10.18601/01245996.v23n45>
38. Sjølin, R. 1996, *Samer och samefrågor i svensk politik. En studie i ickemakt*, Umeå, Umeå University, s. 202.
39. Berg-Nordlie, M. 2015, Representativitet i Sápmi. Fire stater, fire tilnærminger til inklusjon av urfolk, in: Bjerkli, B., Selle, P. (eds.), *Samepolitikken utvikling*, Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, s. 388—418.
40. Lawrence, R., Mörkenstam, U. 2016, Indigenous self-determination through a government agency? The impossible task of the Swedish Sámediggi, *International Journal on Minority and Group Rights*, vol. 23, № 1, p. 105—127, <https://doi.org/10.1163/15718115-02301004>
41. Bergh, J., Dahlberg, S., Mörkenstam, U., Saglie, J. 2018, Participation in Indigenous Democracy: Voter Turnout in Sámi Parliamentary Elections in Norway and Sweden, *Scandinavian Political Studies*, vol. 41, № 4, p. 263—287, <http://dx.doi.org/10.1111/1467-9477.12129>

Об авторах

Маргарита Владимировна Буковска, аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: likova.m@edu.narfu.ru

<https://orcid.org/0009-0003-9143-2975>

Александр Евгеньевич Шапаров, доктор политических наук, доцент, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

Мария Александровна Питухина, доктор политических наук, профессор, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Россия.

E-mail: pitukhina@petsu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7012-2079>

POLITICAL REPRESENTATION OF THE SÁMI IN THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

M. V. Bukovska¹

A. E. Shaparov¹

M. A. Pitukhina²

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17, Severnoi Dviny Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russia

² M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, 42, Kulakovsky Street, Yakutsk, 677007, Russia

Received 4 April 2024

Accepted 3 October 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-3

© Bukovska, M. V., Shaparov, A. E., Pitukhina, M. A., 2025

The modern understanding of representative democracy includes not only the rule of the majority, but also the protection of the rights of minorities. One such minority is indigenous peoples, including the Sámi population that lives in four European countries, namely in the northern territories of Norway, Sweden, Finland, and Russia. In these countries, the Sámi, as a minority, find it difficult to achieve an adequate level of representation in traditional political structures that are responsible for articulating interests (parties, parliaments), therefore special mechanisms were found that allowed this indigenous people to participate in political decision-making processes more actively. The purpose of the article is to study the evolution and features of the political representation of the Sámi in Norway, Sweden, and Finland. The choice of countries is dictated by the cross-border nature of the Sámi settlement and the practice of diffusion of institutions of political representation. The methodology is based on neo-institutionalism and constructivism theories. It is concluded that after World War II, global transformations of the institutional environment took place in developed countries, and they were expressed in the rejection of the racial paradigm, the establishment of the supremacy of democracy and human rights. In the countries of Northern Europe at the end of the XX – beginning of the XXI centuries, the concept of “Arctic identity” was formed instead of identity through the construct of the “Nordic race”, which was characteristic of the first half of the XX century. At the center of it is the concept of indigeneity. From the beginning of the XX century, the Sámi that were subjected to forced assimilation in all three countries (discriminatory policies of “swedification”, “norwegianization” and “finnization”) and that were forced to fight for their rights with minimal chances of winning over the dominant discourse of racial inferiority, became beneficiaries of the changes, received special status, collective rights, and opportunities for political representation in modern conditions. However, several problems and discriminatory practices against the Sámi remain relevant and require solutions at the level of public policy.

Keywords:

Sami, identity, political representation, parliaments, Norway, Sweden, Finland

References

1. Kymlicka, W. 1996, *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford, Clarendon Press, 296 p., <https://doi.org/10.1093/0198290918.001.0001>
2. Lijphart, A. 1977, *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*, New Haven, Yale University Press, 268 p.

3. Brubaker, R. 2004, *Ethnicity without Groups*, Cambridge, MA and London, England, Harvard University Press, 296 p., <https://doi.org/10.4159/9780674258143>
4. Tishkov, V.A. 2021, *Izbrannye trudy : v 5 t. T. 5 : Etnologiya i politika. Stat'i 1989—2021 godov.* [Selected works: in 5 volumes. T. 5: Ethnology and politics. Articles 1989—2021], Moscow, Nauka, 639 p. (in Russ.).
5. Drobizheva, L.M. 2020, All-Russian National Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, №8, p. 37—50, <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
6. Oskolkov, P.V. 2021, *Ocherki po etnopolitologii* [Essays on ethno-political studies], Moscow, Aspect Press, 175 p. EDN: ROIIEY (in Russ.).
7. Minde, H. 2005, Assimilation of the sami — implementation and consequences, *Acta Borealia*, vol. 20, №3, p. 121—146, <https://doi.org/10.1080/08003830310002877>
8. Valkonen, J., Valkonen, S., Koivurova, T. 2016, Groupism and the politics of indigeneity: A case study on the Sami debate in Finland, *Ethnicities*, vol. 17, №4, p. 526—545, <https://doi.org/10.1177/14687968166654175>
9. Oksanen, A.-A. 2020, The Rise of Indigenous (Pluri-)Nationalism: The Case of the Sámi People, *Sociology*, vol. 54, №6, p. 1141—1158, <https://doi.org/10.1177/0038038520943105>
10. Lantto, P. 2010, Borders, citizenship and change: The case of the Sami people, 1751—2008, *Citizenship Studies*, vol. 14, №5, p. 543—556, <https://doi.org/10.1080/13621025.2010.506709>
11. Nyssönen, J. 2013, Sami Counter-Narratives of Colonial Finland. Articulation, Reception and the Boundaries of the Politically Possible, *Acta Borealia*, vol. 30, №1, p. 101—121, <https://doi.org/10.1080/08003831.2013.776738>
12. Henriksen, J.B. 2008, The Continuous Process of Recognition and Implementation of the Sami People's Right to Self-Determination, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 21, №1, p. 27—40, <https://doi.org/10.1080/09557570701828402>
13. Trosterud, T. 2008, Language Assimilation during the Modernisation Process: Experiences from Norway and North-West Russia, *Acta Borealia*, vol. 25, №2, p. 93—112, <https://doi.org/10.1080/08003830802496653>
14. De Villiers, B. 2021, From Community Autonomy in Hungary to Indigenous Self-Determination in the Outback of Australia: Can Non-Territorial Autonomy Find Traction Down Under?, *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, vol. 20, №2, p. 1—32, <https://doi.org/10.53779/WKLF4478>
15. Nimni, E. 2019, The Twilight of the Two-State Solution in Israel-Palestine: Shared Sovereignty and Nonterritorial Autonomy as the New Dawn, *Nationalities Papers*, vol. 48, №2, p. 1—18, <https://doi.org/10.1017/nps.2019.67>
16. Nieguth, T. 2009, An Austrian solution for Canada? Problems and possibilities of national cultural autonomy, *Canadian Journal of Political Science*, vol. 42, №1, p. 1—16, <https://doi.org/10.1017/S0008423909090015>
17. Wendt, A. 1999, *Social Theory of International Politics*, Cambridge, Cambridge University Press, 429 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>
18. Onuf, N. 2023, *International Theory at the Margins. Neglected Essays, Recurring Themes (Bristol Studies in International Theory)*, Bristol University Press, 282 p.
19. March, J.G., Olsen, J.P. 1984, The new institutionalism: Organizational factors in political life, *The American Political Science Review*, vol. 78, №3, p. 734—749, <https://doi.org/10.2307/1961840>
20. North, D.C. 1996, Institutional change: a framework of analysis, in: North, D.C. (eds.), *Social Rules*, Routledge, p. 189—201, <https://doi.org/10.4324/9780429497278-13>
21. Gerdner, A. 2021, Ethnic categorisation, identity and perceptions of life among Swedish Samis, *Ethnicities*, vol. 21, №6, p. 1113—1139, <https://doi.org/10.1177/1468796820949284>
22. Belancic, K., Lindgren, E. 2020, Discourses of Functional Bilingualism in the Sami Curriculum in Sweden, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 23, №5, p. 601—616, <https://doi.org/10.1080/13670050.2017.1396283>
23. Jaakkola, J.K., Juntunen, S., Näkkäläjärvi, K. 2018, The Holistic Effects of Climate Change on the Culture, Well-Being, and Health of the Saami, the Only Indigenous People in the European Union, *Current Environmental Health Reports*, vol. 5, №6, p. 401—417, <https://doi.org/10.1007/s40572-018-0211-2>

24. Sarivaara, E., Keskitalo, P. 2016, Mediating Structures in Sámi Language Revitalisation, *Social Inclusion*, vol. 4, № 1, p. 11–18, <https://doi.org/10.17645/si.v4i1.359>
25. Spitzer, A. J., Selle, P. 2020, Is Nonterritorial Autonomy Wrong for Indigenous Rights? Examining the ‘Territorialisation’ of Sami Power in Norway, *International Journal on Minority and Group Rights*, vol. 28, № 3, p. 1–24, <https://doi.org/10.1163/15718115-bja10009>
26. Lundström, C., Teitelbaum, B. R. 2017, Nordic Whiteness: An Introduction, *Scandinavian Studies*, vol. 89, № 2, p. 151–158, <https://doi.org/10.5406/scanstud.89.2.0151>
27. Josefsen, E. 2022, ‘Sámi Political Shifts. From Assimilation via Invisibility to Indigenization?’, in: McNeish, J. A., Postero, N., Ruckstuhl, K., Nimatuj, I. V. (eds.), *The Routledge Handbook of Indigenous Development*, Routledge, p. 1–15, <https://doi.org/10.4324/9781003153085>
28. Olsén, L. 2018, ‘Sámi People at Different Levels of Decision-Making Processes in the Global Arctic’, in: Finger, M., Heininen, L. (eds.), *The Global Arctic Handbook*, Springer International Publishing, p. 289–306, https://doi.org/10.1007/978-3-319-91995-9_17
29. Ravna, Ø. 2017, A Cold Rain on the Parade When the Sámi Celebrate 100th Anniversary, *Arctic Review on Law and Politics*, vol. 8, <https://doi.org/10.23865/arctic.v8.684>
30. Buhre, F., Bjork, C. 2021, Braiding Time: Sami Temporalities for Indigenous Justice, *Rhetoric Society Quarterly*, vol. 51, № 3, p. 227–236, <https://doi.org/10.1080/02773945.2021.1918515>
31. Josefsen, E. 2010, *The Saami and the national parliaments: Channels for political influence*, Mexico, IPU and UNDP, 27 p.
32. Josefsen, E., Mörkenstam, U., Saglie, J. 2017, Sametingene — institusjoner for selvbestemmelse, in: Josefsen, E., Mörkenstam, U., Nilsson, R., Saglie, J. (eds.), *Ett folk, ulike valg: Sametingsvalg i Norge og Sverige*, Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, s. 24–55.
33. Andresen, A., Evjen, B., Ryymin, T. 2021, Samenes historie fra 1751 til 2020, *Tidsskrift for kjønnsforskning*, vol. 45, № 4, s. 232–235, <https://doi.org/10.18261/issn.1891-1781-2021-04-06>
34. Yasar, R., Bergmann, F., Lloyd-Smith, A., Schmid, S.-P., Holzinger, K., Kupisch, T. 2023, Experience of discrimination in egalitarian societies: the Sámi and majority populations in Sweden and Norway, *Ethnic and Racial Studies*, p. 1203–1230, <https://doi.org/10.1080/01419870.2023.243313>
35. Mörkenstam, U., Josefsen, E., Nilsson, R. 2016, The Nordic Sámediggi and the Limits of Indigenous Self-Determination, *Gáldu čála*, № 1, p. 4–46.
36. Hwang, K. 2023, The relevance of neo-institutionalism for organizational change, *Cogent Social Sciences*, vol. 9, № 2, <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2284239>
37. Traversa, F. 2021, Power and institutional change: From path dependence to theories of gradual change, *Revista de Economía Institucional*, vol. 23, № 45, p. 83–108, <https://doi.org/10.18601/01245996.v23n45>
38. Sjölin, R. 1996, *Samer och samefrågor i svensk politik. En studie i ickemakt*, Umeå, Umeå University, s. 202.
39. Berg-Nordlie, M. 2015, Representativitet i Sápmi. Fire stater, fire tilnærminger til inklusjon av urfolk, in: Bjerkli, B., Selle, P. (eds.), *Samepolitikkenes utvikling*, Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, s. 388–418.
40. Lawrence, R., Mörkenstam, U. 2016, Indigenous self-determination through a government agency? The impossible task of the Swedish Sámediggi, *International Journal on Minority and Group Rights*, vol. 23, № 1, p. 105–127, <https://doi.org/10.1163/15718115-02301004>
41. Bergh, J., Dahlberg, S., Mörkenstam, U., Saglie, J. 2018, Participation in Indigenous Democracy: Voter Turnout in Sámi Parliamentary Elections in Norway and Sweden, *Scandinavian Political Studies*, vol. 41, № 4, p. 263–287, <http://dx.doi.org/10.1111/1467-9477.12129>

The authors

Margarita Bukovska, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: likova.m@edu.narfu.ru

<https://orcid.org/0009-0003-9143-2975>

Prof Alexander E. Shaparov, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

Prof Maria A. Pitukhina, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: pitukhina@petsu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7012-2079>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)